

Чжан Лина с детства отличалась ранним развитием, усваивая знания быстрее своих сверстников. По словам отца, она была самым ценным даром, который истинный бог Аллах преподнес его народу.

Она всегда помнила наставления отца: в этом мире самое ценное — не украшение уже прекрасного, а помощь в трудную минуту. Поиск мужа с огромным состоянием, за которым последует тяжёлая борьба в его семье, не сравнится с выбором бедного юноши с широкими перспективами, с которым можно вместе трудиться, что сделает положение в браке более устойчивым.

Во всём полку лишь несколько человек соответствовали критериям Чжан Лины, и самым выдающимся среди них был, конечно же, Сун Цинсюй, сын чиновника, который, по слухам, вёл скромный образ жизни.

Матушка Цзян убрала тарелки со стола в раковину, обернулась, взглянула на дверь комнаты племянницы и тяжело вздохнула.

После того как сын устроил сцену, Сюй Хуасю сначала несколько дней вела себя смирно. Она даже научилась убирать и стирать, но прошло совсем немного времени, и она снова вернулась к прежнему ленивому состоянию.

Матушка Цзян, думая об этом, чувствовала себя всё более обиженной. Она бросила тряпку для мытья посуды и, прислонившись к плите, снова начала вытирать слёзы.

— Тётя! На кухне есть вода!? — вдруг раздался голос из комнаты.

Матушка Цзян вытерла глаза, откликнулась и начала искать чашку, чтобы налить воды.

Ей было стыдно говорить племяннице такие меркантильные вещи... ведь они были одной семьёй...

Но... но...

В душе матушки Цзян клокотала бесконечная обида, руки, держащие чашку, дрожали, и, наконец, она не выдержала, присела на корточки, и слёзы закапали в чашку...

Сюй Хуасю усердно стучала по экрану, играя в игру с кротами, и, услышав шаги, автоматически сказала:

— Поставь воду на стол.

— Асю, — матушка Цзян колебалась, но всё же произнесла, — остановись на минутку, мне нужно с тобой поговорить.

— О чём?! — Сюй Хуасю нахмурилась. — Подожди, я почти прошла уровень.

Матушка Цзян молча постояла у стола, затем внезапно выключила экран монитора.

Сюй Хуасю на мгновение оцепенела, а через мгновение взорвалась:

— Что ты делаешь?!

— Асю! — глаза матушки Цзян были ещё красными, но тон её был необычайно серьёзен. — Сегодня утром мне позвонил домовладелец. У нас нет денег на аренду за этот квартал, Цзян

Мэнлинь не отвечает на звонки, и нам с тобой нужно что-то придумать.

Сюй Хуасю сразу замолчала. При упоминании Цзян Мэнлиня она невольно испугалась, но что тётя хотела этим сказать?

— Тебе нужно найти работу, больше нельзя сидеть дома, — слова сорвались с губ матушки Цзян, и она удивилась, что это не было так сложно, как она предполагала.

Начав, дальше было легче:

— В прошлый раз ты поссорилась с Мэнлинем, он разозлился. Он один в Имперской столице, и ему приходится и учиться, и работать. Это очень тяжело. В этом месяце я не хочу просить у него денег. Тебе уже девятнадцать, пора работать.

— Но! — Сюй Хуасю запаниковала и выпалила. — Что я могу делать? Ты не хочешь, чтобы я пошла на подработку? Разве дядя не владеет компанией? Почему бы тебе не поговорить с ним, чтобы я пошла помогать в компании... Тётя~ ты ведь не хочешь, чтобы я действительно...

— Чем заниматься! Тебе уже пора познакомиться с обществом и получить опыт. Я и твой дядя развелись, больше не упоминай об этом, это невозможно, — матушка Цзян, услышав упоминание о бывшем муже, почувствовала тяжесть в груди и всё больше убеждалась, что племянница не понимает серьёзности ситуации. Вдобавок сын, который с трудом нашёл время приехать, уехал из-за её поведения. В душе матушки Цзян копилась обида, и речь её стала жёстче. — В общем, мне всё равно. Я обещала твоему деду заботиться о тебе и, считаю, никогда тебя не обижала. Тебе уже сколько лет? Неужели ты действительно хочешь, чтобы я содержала тебя всю жизнь? Даже ради родителей ты должна стараться, нельзя просто так плыть по течению...

Сюй Хуасю, услышав это, громко возразила:

— Зачем ты упоминаешь моих родителей!? Я знаю, что ты меня презираешь! Считаешь меня бесполезной, ты притворяешься доброй!? Я всего лишь поссорилась с твоим сыном, а ты стала ко мне относиться с пренебрежением, как будто это не заметно. Кто надеется, что ты будешь содержать меня всю жизнь!? Я знаю, что ты необразованна, моя мечта — стать писательницей! Как я могу быть такой посредственной, как ты говоришь!

Матушка Цзян оцепенела:

— Что ты имеешь в виду? Я недостаточно хорошо к тебе относилась!? — вспомнив, как она заступалась за племянницу перед сыном, и увидев, как Сюй Хуасю теперь относится к ней, матушка Цзян была на грани взрыва. — Что ты только что сказала!? У тебя совсем нет совести!

— Да! У меня нет совести! Я должна быть благодарна за твою милость! — Сюй Хуасю дрожала, в глазах её читалось отвращение. — Ты даже не видишь, насколько ты лицемерна! Ты всегда считала себя моей благодетельницей, да? Ты думаешь, что ты такая великая и замечательная? Не воображай о себе слишком много! Если бы не дед, который заставил меня жить у тебя, я бы не пришла сюда! Ты думаешь, жить на чужом попечении так легко!?

Матушка Цзян смотрела на племянницу с недоверием, лицо её побелело.

Она считала, что сделала для племянницы всё возможное, заботилась о ней без усталости. Кто ещё мог бы так заботиться о родственнике? В душе матушки Цзян всегда была мысль: раз у Сюй Хуасю больше нет родителей, то пусть она станет ей второй дочерью. Именно поэтому она

так старалась ради её учёбы, неграмотная женщина, которая искала школы и спрашивала о поступлении, чтобы обеспечить Сюй Хуасю, только что приехавшей в город для повторного обучения, лучшее будущее.

Но она никогда не могла подумать, что все её усилия в глазах племянницы выглядят как лицемерие и высокомерие!

— Я никогда не думала... — лицо матушки Цзян побелело, она тяжело дышала, чувствуя, что силы покидают её, и, качая головой, слабо вздохнула. — Я никогда не думала, что раньше Мэнлинь говорил мне, что тебя нужно воспитывать, а я его не слушала. Но теперь я понимаю, что он был абсолютно прав. Ты оказалась такой неблагодарной!

Сюй Хуасю с громким плачем швырнуламышь, встала, открыла шкаф и начала собирать вещи, сквозь слёзы причитая:

— Я просто всем надоела, я знаю, что ты реально думаешь. Он вернулся, не стирает, не моет полы, а ты ничего не говоришь, а я не стираю, не мою полы, и он говорит, что нужно меня учить... Как ты можешь быть такой предвзятой, он даже бил меня, прижигал сигаретой, а ты даже не ругала его... Я должна терпеть это здесь!?

Собрав несколько вещей, Сюй Хуасю взяла сумку и направилась к выходу. Матушка Цзян стояла на месте, глаза её затуманились, голова кружилась, и она не могла вымолвить ни слова.

Сюй Хуасю с руганью хлопнула дверью и ушла. Матушка Цзян дышала всё тяжелее, дрожащей рукой указывая на закрытую дверь, но так и не смогла ничего сказать, закатила глаза и упала в обморок.

О том, что произошло в городе Н, Цзян Мэнлинь ничего не знал. В общежитии его беспокоила эта странная женщина.

Его равнодушие к Чжан Лине вызывало у неё неприятные чувства, в то время как остальные не видели в этом ничего плохого.

Ведь в глазах Чжоу Фукана и других Цзян Мэнлинь был всего лишь ребёнком, до любовных увлечений ему было далеко. Если бы такой малыш пристально интересовался девушкой, это выглядело бы как дурное воспитание.

Освещение в общежитии было хорошим, кровать Сун Цинсюя была на солнечной стороне, и Цзян Мэнлинь, который хотел просто отвлечься, постепенно увлёкся чтением.

Ему как раз нужны были знания по управлению бизнесом. На занятиях в университете он всегда был предельно сосредоточен, и профессора, видя его усердие, часто помогали ему дополнительными материалами. Эта книга по теории торговли была одной из таких, и, прочитав первые страницы, Цзян Мэнлинь почерпнул для себя много полезного.